

В институциональной экономической теории большое внимание уделяется историческим аспектам хозяйственных отношений, включая действия коллективов. Взаимодействие коллективов трактуется как система контрактов¹. До сих пор институциональная методология не применялась в анализе взаимоотношений государства и органов крестьянского самоуправления. Автор предлагает рассмотреть структуру и содержание этих отношений в контексте социальной и экономической истории России.

Аграрная история России с позиций институциональной методологии

И. Ю. ПРОСЕКОВ,

Сибирская академия государственной службы,

Новосибирск

E-mail: prosekov07@mail.ru

Государство и община: неявный контракт

Важнейшую силу хозяйственного освоения Сибири начиная с XVII в. представляли русские крестьяне. В процессе колонизации у крестьян, переселявшихся в Сибирь, складывалась своя форма общественного и хозяйственного самоуправления – сельская община². Между двумя агентами – «государством и крестьянской общиной» – складывались имплицитные отношения социально-экономического контракта. Тип неявного контракта основывается на традиционном праве, предполагавшем неписаное соглашение об обмене правами

¹ Мак-Клоски Д. Н. Полезно ли прошлое для экономической науки? // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 107–136; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. Предисловие. Гл. 2, 3, 5, 6, 7; Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001. Гл. 2.

² Александров В. А., Покровский Н. Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // История СССР. 1986. № 1. С. 47.

и обязательствами. Если государство выполняло функции материального обеспечения переселенцев, защиты их жизни и имущества от посягательств со стороны местного населения и представителей других сословий, то крестьянские общины принимали на себя определенный круг денежных и натуральных повинностей.

Возникает проблема определения и разграничения правомочий. В соответствии с иерархической системой, предложенной Э. Остром³, общине принадлежат права коллективного действия, а также операциональные права доступа к ресурсам, извлечения выгоды и отчуждения. Право общины на отчуждение или исключение давало возможность определять круг лиц, получавших право доступа к земле, обуславливая тем самым направление использования ресурса.

В рамках складывавшегося социально-экономического контракта государство и община вступали в перекрестные правовые отношения – необходимое условие добровольного обмена. Как экономические агенты государство и община обладали определенным набором взаимных прав и обязательств, что позволяет говорить о формально равноправном и симметричном обмене, а также о торговой трансакции.

Трансакции как таковые проявляются через три вида социальных отношений. Согласно Коммонсу, это – конфликт, зависимость и порядок⁴. В первом случае у государства и общины всегда существовала возможность взаимного исключения по поводу использования ограниченного ресурса: с одной стороны – это земля, формально принадлежавшая государству, а также тягловый скот, хозяйственный инвентарь и деньги, выдаваемые новым поселенцам, с другой – часть произведенного общиной урожая. В случае зависимости определяющим фактором становится обоюдное понимание возможностей повышения благосостояния посредством взаимодействия сторон. Элементом, обеспечивающим устойчивость контракта, был порядок – система отношений сторон, посредством которой определялись не только итоговые

³ *Ostrom E. Governing the Commons. The Evolution of Institutions for Collective Actions. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 42.*

⁴ *Commons J.R. Institutional Economics // American Economic Review. 1931. V. 21. P. 656.*

выгоды, но и распределение результатов выполнения контракта между заинтересованными сторонами.

В силу того, что государство и община на основе добровольного соглашения производили симметричный обмен правами собственности, можно говорить именно о торговой трансакции. Фактическое отчуждение и присвоение прав собственности не обходилось без обоюдного согласия сторон, основанного как на экономическом интересе, так и на нормах традиционного права.

Интересно, что внутри общины в экономических отношениях между выборной администрацией и рядовыми крестьянами присутствует трансакция рационирования. В этом случае возникает асимметричность правового положения сторон, определенная как традиционным, так и писаным правом, и функция спецификации прав собственности по обоюдному согласию принадлежит коллективному органу, то есть выборной крестьянской администрации.

Механизм выполнения контракта в жестких условиях колонизации определялся несопоставимостью возможных выгод и издержек в результате нарушения одной из сторон условий контракта. Таким образом, для обеспечения контракта государству и общине не требовалась специализированная третья сторона. Контракт становится самовыполняемым.

Действие такого контракта основывалось на осведомленности агентов об условиях обмена, использовании ресурсов общего назначения, повторяющейся трансакции, представлении о положительной ценности существующих отношений, а также повышении (в рамках обмена обязательствами) роли корпоративных действий сторон. Так, община всегда старалась наделить ответственностью всех своих членов в зависимости от их материального и социального положения внутри коллектива. Корпоративная ответственность предупреждала оппортунистическое поведение каждой из сторон. Кроме того, такой персонализированный обмен способствовал формированию устойчивых ожиданий. Обладая определенной степенью взаимопонимания в отношении правил, по которым совершается сделка, стороны оценивали будущие выгоды от продолжения контракта. Поэтому сделка, заключенная между государством и общиной, регулярно возобновлялась.

Слабый участник контракта всегда недоволен жизнью

Рассматриваемый контракт становился основой взаимоотношений крестьянских общин и государства. С одной стороны, он гарантировал государству регулярное поступление феодальной ренты, с другой, — обеспечивал сибирскому крестьянину оптимальные условия жизни. На примере крестьянских челобитных можно утверждать, что выполнение крестьянами условий контракта (отгрузка и доставка в сибирские остроги заранее оговоренной части собранного урожая, а также исполнение различных натуральных повинностей) зачастую становилось веским аргументом в пользу выделения материальной помощи общинам, а также при разрешении споров между участниками контракта. Большинство конфликтных ситуаций порождалось различием взглядов крестьян и государства на феодальную ренту, ее законность, размер и, конечно же, злоупотреблениями местных администраций.

Многочисленные общинные жалобы крестьян были вызваны реформой Ю. Я. Сулешева (1623–1625 гг.). Цель реформы заключалась в приведении устаревших десятинных окладов⁵ в соответствие со значительно возросшими крестьянскими наделами. Нам известны девять крестьянских челобитных, поданных в период с 1632 по 1644 г.: крестьяне Туринского, Верхотурского, Тагильского, Енисейского и Тюменского уездов протестовали не только против новоокладных пашен, но и против десятин, прибавленных за умерших, переведенных на новые земли и беглых крестьян⁶. Показательно, что все свои протесты крестьяне традиционно обосновывали ссылками на «старину». В результате, встретив со стороны крестьянских общин активное сопротивление реформе, государство в лице Сибирского приказа пошло на определенные компромиссы. Для нас интересно, что по сути то был спор об условиях контракта.

⁵ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 113.

⁶ РГАДА (Российский государственный архив древних актов), фонд 214 (Сибирский приказ), столбец 60, лист 67; ст. 83, л. 719; ст. 32, л. 160; ст. 37, л. 317–377, 381–383; ст. 113, л. 32–35; ст. 65, л. 402–414; ст. 237, л. 15–17.

Другим важным элементом отношений между общинами и государством были различные натуральные повинности – ремонт крепостей, постройка и поддержание в рабочем состоянии государственных бань, винокурен и мельниц, сбор таможенных пошлин на местном торгу, гоньба, постройка судов и перевозка по сибирским рекам хлебного оброка. Крестьяне последовательно выступали против этих повинностей, если считали их незаконными. А таковыми в представлении крестьян повинности становились тогда, когда выполнять их, по мнению крестьянского мира, следовало представителям других условий. Вызывали протесты и вновь вводимые повинности.

Взаимоотношения крестьянских общин и воеводской администрации отнюдь не сводились к столкновениям. Сфера взаимодействия всегда была обширной и включала вопросы окультуривания новых земель, создания на этих территориях новых общин, межевания земельных границ, а также суда, распределения земельных угодий⁷.

Вопрос вопросов – собственность на землю

Известно, что набор прав, которым обладает экономический агент, во многом обусловлен его решениями. Важнейшим фактором, определявшим спецификацию прав собственности на землю в Сибири, была традиционная для русских крестьянских общин система захватного землепользования. Община в процессе колонизации фактически приобретала права на использование принадлежавшего государству ресурса – земли. На начальных этапах колонизации, когда издержки обеспечения государственной собственности были высоки в сравнении с размером извлекаемой выгоды, земля находилась в режиме свободного доступа. При этом формально у государства оставалось правомочие отчуждения.

Здесь мы сталкиваемся со свойственным любой эпохе колонизации положением: права собственности, не в полном объеме специфицированные государством, являлись правами

⁷ Шунков В. И. «Опыт» в сельском хозяйстве Сибири. XVII в. //Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952. Сб. 1. С. 233–236; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 26, 28, 29.

как де-юре, так и де-факто. Постепенно, в ходе хозяйственного освоения новых территорий, возрастает и текущая ценность используемого ресурса, что становится основой для обмена правомочиями между фактическим пользователем земли – общиной – и государством. Обмен этот, как было отмечено, происходил в рамках самовыполняющегося контракта.

Позиционируя крестьянскую общину в системе коммунальной собственности, остановимся на проблеме использования ресурсов. В соответствии с традицией захватного земледелия на просторах русского Севера и в Сибири действовала система свободного доступа к земле. Каждый новый поселенец мог воспользоваться свободным участком земли без предварительной договоренности с другими членами общины и даже с формальным собственником земли – государством. Вместе с тем отдельные землепользователи обладали исключительными правами собственности только внутри общины, а также по отношению к участникам других общинных организаций. С ростом численности общинников, обладавших правами собственности, возрастали альтернативные издержки ее существования. В результате внутри общины возникал институт представительства интересов – выборная крестьянская администрация, представлявшая наиболее состоятельную и материально ответственную по отношению к государству часть общинников.

В соответствии с традицией общинной демократии состав выборной администрации определялся решениями мирского схода, на котором присутствовали все общинники. К мирскому сходу переходили основные правомочия, образующие право собственности. Должностным лицам выборной крестьянской администрации поручалась, в свою очередь, повседневная распорядительная работа. В условиях, когда отдельные общинники не обладали в полной мере правом на доход и распределение продукта, ресурс оказывался недоиспользованным. В тех же случаях, когда крестьянская администрация, решая вопросы распределения, руководствовалась принципом соответствия затраченным усилиям, возникала проблема чрезмерного использования ресурса.

Действия выборной общинной администрации по распределению результатов использования ресурсов определялись,

если верить Э. Остром, правилами коллективного действия. Функционировавшая внутри крестьянской общинной организации система распределительной демократии, с одной стороны, ограничивала свободный доступ к ресурсу внутри общины и тем предотвращала его чрезмерное использование; с другой стороны, защищала имевшийся ресурс от претензий другого участника контракта – государства.

Система коммунальной собственности обладала для общины рядом сравнительных преимуществ. Для рядового члена общины к минимуму сводились транзакционные издержки, прежде всего, спецификации и защиты прав собственности, а также ведения переговоров, заключения контракта, осуществления расчетов и измерения. Устойчивый характер коммунальной собственности определялся относительной однородностью экономических интересов всех членов общины, что фактически исключало возможные издержки оппортунистического поведения. Да и сама возможность возникновения такого поведения исключалась процедурой выбора крестьянской администрации, максимально (насколько это было возможно в условиях колонизации) учитывавшей индивидуальные предпочтения и интересы рядовых членов общины. Добавим, что одним из основных аргументов в целевой функции переселенца было создание условий выживания и благополучия общины как коллективной формы ведения хозяйства.

На фоне слабой спецификации прав собственности, а также традиционного для России доминирования норм неписаного права для любого землепользователя увеличивался размер транзакционных издержек. Вместе с тем крестьянская община за счет использования механизма коллективной ответственности получала возможность минимизировать эти издержки. В свете сказанного понятны причины существования в России устойчивой традиции коллективного землепользования, а также трудности в организации и функционировании многоукладной аграрной экономики.

В плену предшествующего развития

Особый интерес в контексте институционального анализа истории формирования различных хозяйственных укладов

в России приобретают неформальные механизмы выбора. Ответ на вопрос о причинах сделанного в бифуркационных точках истории выбора делает понимание современных экономических и институциональных систем более глубоким, дает возможность прогнозировать их изменения.

Известно, что далеко не всегда в истории (включая историю институтов) выбор был в пользу самого эффективного из существующих стандартов⁸. Скорее наоборот, речь идет об определенной инерционности развития. Возникает вопрос о причинах возникновения ситуаций, когда институциональные инновации невозможны.

История организации фермерского, а также колхозно-совхозного уклада в России демонстрирует зависимость от предшествующего развития на уровне как отдельных социально-правовых институтов, так и институциональной системы. Любой выбор, сделанный в точках бифуркации, всегда обусловлен неопределенностью и неустойчивостью баланса социальных сил. И здесь одним из определяющих становится фактор ожиданий людей. Так, стремление русских крестьян конца 20-х – начала 30-х годов XX в. минимизировать издержки через восстановление традиционной системы коллективной ответственности вполне укладывалось в предложенную властями форму колхозного хозяйства. Как прежде между государством и общиной, так и теперь между государством и колхозом складывались отношения социально-экономического контракта, предполагавшего обмен определенными правами и обязательствами.

Очень скоро, однако, выяснилась особенность (или цена) этого контракта: государство оставляло за собой право распоряжаться жизнью крестьян. В результате механизм выполнения контракта по-прежнему определялся несопоставимой разницей между возможными выгодами и издержками в случае нарушения одной из сторон условий контракта. Очевидно, что на фоне массовых раскулачиваний между сторонами существовало взаимопонимание относительно правил, по которым совершается сделка. Крестьяне и государство вполне

⁸ *David Paul A. Clio and the Economics of QWERTY*//American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 2.

адекватно оценивали будущие выгоды от продолжения контракта. Если государство получало необходимые для проведения индустриализации материальные и человеческие ресурсы, то крестьяне – минимально возможные условия существования и хозяйствования.

Как и в случае с общиной, функционирование такого контракта основывалось на использовании ресурсов общего назначения (земля и технический инвентарь), повторяющейся трансакции, представлении о ценности существующих отношений, а также повышении роли корпоративных действий сторон. Обладая, пусть и формально, выборным статусом, колхозная администрация, как прежде мирская, стремилась наиболее эффективно распределить ответственность между всеми членами коллектива в зависимости от их материального и социального положения. Система коллективной ответственности предупреждала оппортунистическое поведение отдельных членов трудового коллектива.

Функции мирского схода по решению всех принципиальных вопросов крестьянской жизни переходили к партийно-комсомольским собраниям. Поручавшаяся выборным должностным лицам общинной администрации повседневная распорядительная работа становилась компетенцией партийно-хозяйственного актива, в который, как правило, входили представители государства. В этой относительно новой для русского крестьянина ситуации действия колхозной администрации по распределению результатов использования ресурсов больше не определялись правилами коллективного действия. Более того, в отличие от контракта между государством и общиной, здесь можно говорить не о торговой трансакции, а о трансакции управления. Одна из сторон контракта, а именно государство, становится обладателем явного правового преимущества.

В непростых условиях конца 20-х – начала 30-х годов XX в. русские крестьяне фактически обменивали право принятия решения (или право свободы, по Дж. Коммонсу) на самую возможность социального и хозяйственного выживания. Для понимания природы трудностей, с которыми столкнулась аграрная экономика в России XX в., важен вывод Дж. Коммонса, что основной результат трансакции управления – производство

богатства, а не его перераспределение, как это предполагается в случае с торговой трансакцией⁹.

Поведение участников контракта в трансакции управления асимметрично вследствие асимметричности правового положения сторон. Если объектами торговой трансакции служат права на обмениваемые блага, то объектом трансакции управления оказывается одна из сторон правового отношения. Так, одной из функций государства становится ограничение, а также спецификация набора допустимых действий, которые могут предпринимать крестьяне. Процедура оценки альтернатив как средство их отбора вытесняется для крестьян ограничениями, оставляющими доступной лишь одну альтернативу. Оговоримся, что эффективность ограничений обусловлена в различные исторические периоды действительностью и характером существующей в тот момент системы санкционирования поведения любой из сторон контракта. В ситуации неопределенности возникает комбинация элементов чистых типов трансакций.

В истории выбор институтов, в отличие от выбора технологий, носит коллективный характер и потому закономерен. Одним из факторов, определяющих трудности, а порой и невозможность институциональных изменений в аграрном секторе российской экономики, всегда была высокая ценность (зачастую для крестьян это был вопрос жизни и смерти) адаптации к традиционной практике коллективного землепользования и коллективной ответственности в отношениях с землевладельцем. Отклонения от этой практики в сознании крестьян становились слишком затратными.

В качестве примера можно привести период сельскохозяйственного освоения русского Севера и Сибири в XV–XVII вв., ярко продемонстрировавший эффективность системы коллективного землепользования. Устойчивость этой традиции парадоксальным образом проявилась во времена аграрных реформ П. Д. Киселева, правительства Александра II, П. А. Столыпина, а также в период советской коллективизации.

Так, И. Д. Ковальченко, используя для построения ретропрогноза метод марковых цепей, пришел к выводу об отри-

⁹ *Commons J. R.* Institutional Economics // *American Economic Review*. 1931. V. 21. P. 657.

цательном эффекте реформ П. А. Столыпина, направленных, с одной стороны, на создание многоукладности аграрной экономики России, с другой – ограничивших общинное землепользование¹⁰. Возникает эффект координации, когда в ситуации институционального выбора следование традиционным стандартам демонстрирует минимальный уровень трансакционных издержек. Кроме того, здесь можно говорить о квазинеобратимости инвестиций, или о долговечности социального капитала.

Определяющим фактором является то, что морально устаревшие социальные нормы, в отличие от капитала физического, медленно адаптируются в меняющихся условиях. Любой социальный или хозяйственный уклад есть сумма традиционных представлений, образующих устойчивую систему, затрудняющую качественное обновление ее отдельных элементов.

Для традиционно экстенсивного развития аграрной экономики в России особое значение приобретает фактор роста отдачи от масштаба. В процессе сельскохозяйственного освоения новых территорий традиционная практика во взаимоотношениях крестьян и государства становилась тем эффективнее, чем чаще она применялась. В экстремальных условиях выживания и хозяйствования наиболее выгодным в терминах экономики на трансакционных издержках было использование устоявшегося и понятного для обеих сторон стандарта правовых и хозяйственных отношений. В истории возникает сетевой эффект: некоторые неоптимальные параметры этого стандарта вытесняют более действенные, но реже применяемые нормы.

В периоды нарушения институционального равновесия и конкуренции институтов первоначально более быстрый рост предельной полезности может демонстрировать один вариант, а потом – другой. Но победа на начальных этапах конкуренции зачастую лишает альтернативный вариант преимуществ. Возникает описанная В. М. Полтеровичем институциональная ловушка¹¹, когда среди путей институционального развития реализуются варианты, более выгодные в краткосрочном периоде. В долгосрочном периоде они оказываются не просто

¹⁰ Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2.

¹¹ Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2.

менее эффективными, но и вообще делают дальнейшее развитие невозможным.

Пример – коллективизация крестьянских хозяйств в конце 20-х – начале 30-х годов XX в. Да, формирование асимметричных правовых отношений между государством и крестьянскими коллективами позволило в годы индустриализации и Великой Отечественной войны получить необходимые материальные и человеческие ресурсы, но сделало невозможным дальнейшее развитие аграрной экономики в России в прежнем виде.

Анализ послевоенной истории институциональных изменений в аграрном секторе российской экономики дает основание говорить о возникновении в отношениях между государством и крестьянскими коллективами трансакции рациионирования. Государство в лице партийно-хозяйственного аппарата как рациионирующий субъект далеко не всегда и не во всем определяло действия рациионируемого объекта – крестьянского коллектива. Несмотря на сохраняющуюся асимметричность правового положения сторон, функция спецификации прав собственности становится одним из обсуждаемых условий контракта. Постепенно под действием различных внешних факторов через трансакцию рациионирования происходит (пусть и неравномерное) распределение богатства между обоими участниками контракта.

* * *

В заключение хотелось бы отметить значение институциональной методологии для анализа взаимоотношений между крестьянскими общинами и государством. Если марксистский подход предполагал конфликт классовых интересов, то институционализм обращает внимание на понятия трансакции и возникших в процессе реализации прав собственности трансакционных издержек. Причиной и основным условием формирования контрактных отношений становится возможность экономики на трансакционных издержках.

Применение теории зависимости от предшествующего развития к экономической истории институтов позволяет видеть их альтернативные издержки а, значит, и судить об эффективности выбора.